

АННА
ДАНИЛОВА

ДЕКОРАЦИИ
СМЕРТИ

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д18

Редактор серии *А. Осминина*

Оформление серии *А. Зининой*

Данилова, Анна Васильевна.

Д18 Декорации смерти : [роман] / Анна Данилова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-228625-4

Следователь Валерий Ребров расследует жуткое преступление: в городе нашли четырех убитых мужчин, богатых и состоятельных. Их заморозили насмерть. На первый взгляд жертв ничего не связывает, и Ребров обращается за помощью к Жене, супруге известного адвоката Бориса Бронникова, не раз выручавшей его. Женя любит разные криминальные загадки и готова снова взяться за поиски преступника.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-228625-4

© Текст. Дубчак А.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

1. Июнь 2024 г.

День был ясный, солнечный, теплый, и вокруг было так много народу. И все люди были какие-то радостные, возбужденные, веселые, легкомысленные. Хотя нет, это прежде они были такими, а сейчас встревожены и напуганы... И так смешно наблюдать за ними. Они-то не знали, что рядом с ними она, настоящая убийца, в забрызганной кровью одежде, а в руках ее маленькая дамская сумочка, в которой лежит мокрый и липкий от крови нож. Брызги крови, к счастью, не видны на пестром платье. Она все продумала. У нее не было бы времени на то, чтобы переодеться. Теперь главное — незаметно улизнуть, раствориться, исчезнуть. И тогда ее уже никто и никогда не найдет. Вот так.

2. Июнь 2024 г.

— Ребров, как же я люблю это твое озабоченное выражение лица! — встретила Валерия Реброва Женья. — И то, что ты приехал к нам в такой

поздний час, говорит о том, что ты не прочь рассказать нам обо всем, что с тобой приключилось! Проходи скорее и садись!

Женя пригласила друга на террасу присоединиться к вечернему семейному чаепитию. За столом с маленькой дочкой на коленях сидел Петр Бронников, его жена Наташа и няня Соня с сынишкой Жени — Мишей. Из сада тянуло сладковатым благоуханием цветов и трав, которое, смешиваясь с ароматом бисквита и сваренного днем клубничного варенья, стоявшего на столе в вазочке, удерживало собравшихся на террасе вместе с маленькими детьми, несмотря на поздний час и подступавшую прохладу.

— Хотя нет, сначала вымой руки... Пойдем, я провожу тебя в дом...

Ребров помахал всем рукой, здороваясь, и пошел вслед за Женей.

— Бориса нет, он сегодня ночует в Москве, у него там какие-то дела, встречи... Короче, ему надо быть там, поработать с документами, утром — суд. Какое-то сложное дело. У них, адвокатов, так. Он знает, что ты здесь?

— Да, я ему позвонил. Знаю, что он в Москве.

Дом братьев Бронниковых находился на окраине Подольска возле леса и хорошо охранялся. Муж Жени, Борис Бронников, был известным московским адвокатом, его брат Петр представлялся всем писателем, хотя все его окружение точно не знало, чем именно он занимается. По-

говаривали, что в свое время он очень выгодно вложился в какого-то молодого гения-программиста, который с его легкой руки разбогател настолько, что стал долларовым миллионером в Америке и смог обеспечить своего друга-наставника на сто лет вперед. В доме, помимо братьев с их женами и детьми, проживали две няни, хозяйство же вела домработница Галина Петровна, муж которой служил в доме водителем.

Молодые мамы, Женя и Наташа, время от времени ввязывались в различные истории, связанные с уголовными делами, которыми занимался друг семьи Валерий Ребров, следователь Следственного комитета, или, как это было в мае этого года, Павел Журавлев, коллега Валерия. Но если Петр относился к увлечению своей жены спокойно и даже порой принимал участие в каких-то ее делах и поездках, то Борис был настроен иначе, считая эту деятельность опасной, из-за чего между супругами возникали постоянные конфликты.

Все усложнилось как раз в мае, когда Женя неожиданно для себя увлеклась не столько делом, которое вел молодой и красивый следователь Павел Журавлев, сколько им самим. Наташа, которая, помимо того, что стала родственницей Жени, была до этого ее близкой подругой, при каждом удобном случае провоцировала ее, подталкивая к Журавлеву и мотивируя это тем, что Борис не ценит ее и, возможно, не любит. И хотя пока что

близость Жени и Павла ограничивалась поцелуями в черемуховом саду, никто не знал, к чему все это может привести...

— От Павла большой и горячий привет, — сказал Ребров, выходя из ванной комнаты и распространяя запах мыла.

— А что же он сам-то не приехал?

— Приедет, куда он денется, — как ни в чем ни бывало отвечал Валерий, главным для которого была его работа. Женя так и не поняла, замечает ли он, что происходит между нею и Павлом, или нет. — Он же теперь к нам перевелся, а дело обещает быть громким и сложным. Впрочем, как всегда.

— Вы с ним теперь работаете вместе? Seriously? — Женя вспыхнула от этой новости.

«Вот это да! Теперь они смогут встречаться чаще».

Они уже вышли на террасу, Петр в это время уже собирался отправиться с четырехмесячной дочкой в дом, пора уже было укладываться спать. Засобиравшись и няня Соня, на руках которой уснул Миша, ему на днях исполнилось год и три месяца. Наташа, которая как-то совсем уж легко отстранилась от грудной дочки (не говоря уже о прекращении кормления), полностью предоставив ее заботам мужа, встретила возвращение Реброва сияющей улыбкой. Она, похоже, тоже чувствовала, что он приехал не просто так, что у него в рукаве новая интересная история.

— Валера, я понимаю, что тебя одними бисквитами не накормить, сейчас принесу что-нибудь существенное. Жаркое пойдет? Сейчас все принесу.

И Женя умчалась на кухню.

— Ребров, а ну-ка давай-ка рассказывай мне все как на духу! — продолжала улыбаться, ерзая от нетерпения на стуле, Наташа. — Умираю от любопытства.

— Вот придет Женя, и расскажу.

— Ну тогда признайся хотя бы, что мы снова понадобились тебе. Что ты вообще уже без нас не можешь! — хохотала Наташа.

— А то! Конечно!

— Что, снова женщину убили? Вот почему-то самые интересные истории всегда связаны с убийством молодой красивой женщины.

— Ну, здесь я бы мог поспорить...

— А ты не спорь! Все дело в том, что с молодой и красивой женщиной всегда связана какая-то любовная история, а это всегда интересно. Согласен?

— Вообще-то да... Но то дело, о котором я расскажу вам...

Вернулась Женя. Наташа с удивлением посмотрела на блюдо, доверху наполненное картошкой с мясом. От горячего жаркого исходил невероятный аромат.

— Ты как сумела все это так быстро подогреть?

— Так в микроволновке, не так уж и трудно. — Женя восприняла это фальшивое восхищение Наташи как намек на то, что она не умеет готовить и что даже такое простое действие, как подогреть что-то в микроволновке, для нее проблема. Но что поделать, раз Наташа такая? — Ребров, ешь! Пока ты будешь занят едой, уж точно не расскажешь этой любопытной особе ничего, а я пока принесу тебе редиску и помидоры. Наташа, и не смей расспрашивать его без меня, а то сама пойдешь на кухню!

— Да я и без того пойду с тобой. Кроме редиски и помидоров, разве у нас ничего больше нет? Давай по-быстрому приготовим салат.

Поужинав, уже за чаем Ребров начал рассказывать:

— Короче. На пустыре в Митино бомжи обнаружили четыре мужских трупа. Вернее, бомж, прикормленный одним моим товарищем, услышал про трупы, позвонил, сказал, туда выехала группа, но они явно опоздали. Мужчин раздели практически догола. И разули. Понятное дело, что ни документов, ни денег, ничего... Но, судя даже по белью, люди они были не бедные. Да там много разных деталей, указывающих на это. Трое из них, предположительно, были женаты, во всяком случае, на это указывают следы более бледной кожи на безымянном пальце, а у одного мужчины кольцо вообще не сумели снять, или не успели, или не получилось, потому что оно за-

плыло, утонуло в пальце... Вот теперь разыскиваем бомжей, которые раздели трупы.

— А почему вы решили, что их раздели именно бомжи? — спросила Наташа.

— Тот бомж это и сказал. Они же как-то общаются между собой... делятся или меняются одеждой... Хотя это вряд ли... Но поступила именно такая информация — что бомжи и раздели трупы, ограбили.

— Одежда — это понятно, обувь — тоже. А что известно про драгоценности? Деньги? — спросила Женя.

— Ничего.

— Поэтому рано делать какие-то выводы. Их могли ограбить там, где и убивали. А как их убивали?

— Да в том-то и дело, что способ убийства очень странный. Их замораживали. До смерти. Но не одновременно, потому что разрыв во времени смерти от недели до месяца... Тот, кто привозил трупы на свалку, прикрывал их какими-то ящиками, но прятал, повторяю, в одном месте, поэтому их нашли только сейчас, когда их стало уже четыре, и под ящиками, видимо, стало заметно.... Вот кто-то и увидел руку или ногу, раскидал ящики и увидел их...

— Но если кого-то убили даже месяц тому назад, можно представить себе, в каком состоянии труп... Бррр... — поморщилась Наташа. — И с него тоже сняли одежду?

— Да.

— То есть ты хочешь сказать, что всех мужчин заморозили насмерть?

— Да о чем я и говорю! Результаты экспертизы показали, что в крови всех мужчин был обнаружен алкоголь, хотя и в небольшом количестве и везде разный. Причем никаких других препаратов типа клофелина, к примеру, нет. Кроме того, мужчин запирали, судя по всему, в морозильной камере, потому что перед смертью они пытались достучаться, то есть у них сбиты кисти рук, сломаны ногти... Там большие гематомы, следы крови...

— Они бились руками о дверь... — вздохнула Наташа.

— Знаете, что мне сразу же пришло в голову, когда я попыталась понять, кто их убил, кто этот человек? Женщина. Женщина, неспособная резать, пристрелить и даже отравить! Слабая, я бы сказала, женщина. Заперла мужчину в морозильной камере, и все! Вуаля! И пусть он там хоть оборется — его никто, получается, не услышит.

— Мечь? Это она так отомстила своим мужчинам? Любовникам?

— Или насильникам. Уж сколько подобных историй мы видели и слышали... Я имею в виду кино, сериалы... Групповуха. Проходит время, и женщина начинает разыскивать отморозков, находит и убивает, мстит. Известный и очень грустный, трагичный сценарий.

— Девочки, вы, конечно, все правильно говорите, но мне-то что делать? Нам пока неизвестны их имена. Мы не знаем, кто они. И сейчас, вот на этом этапе, мы пытаемся установить их личности. А для этого нужно понять, когда они пропали. Вот Паша сейчас этим как раз и занимается.

— Когда их обнаружили?

— Позавчера вечером.

— Что ж, остается только ждать, когда появится список пропавших в это время мужчин. Ты видел их? Хотя бы внешне есть сходство? Ну, там, типаж, к примеру? — спросила Женя.

— Нет. Все разные. Им примерно от тридцати до сорока. Разного роста, но преимущественно высокие, стройные. Один полноватый, но холерный такой, с маникюром...

— Если хотя бы нашли одежду или обувь, то проще было бы установить личности.

— Я бы тоже предпочла мужиков заморозить, чем орудовать ножом или стрелять куда попало, — сказала Наташа. — Это слишком сложно. Так что ты права, Женя, проще заманить в морозилку под каким-нибудь предлогом...

— Да под каким предлогом-то?! — воскликнул Ребров. — Вот лично я, к примеру, никогда в жизни не войду просто так в эту самую камеру. Чего я там забыл?

— Брось, Валера. Если бы я попросила тебя, предположим, снять с крюка свиную тушу или просто тяжелый кусок мяса, разве ты бы отказал-

ся? — спросила Женя. — Или попросила выбросить из морозилки окаменевшую от мороза крысу!

— Ну, если бы ты попросила, конечно бы, вошел, это же просто камера, а я доверяю тебе.

— О чем и речь: они доверяли этой женщине, понятно? Они были с ней знакомы. И у них, вполне вероятно, были отношения. Так что, когда выясните, кто они такие, вот тогда и надо будет искать женщину. А это уже проще, чем гадать на кофейной гуще.

— Кто у нас тут гадают на кофейной гуще? — раздался громкий и бодрый голос Бориса Бронникова, и Женя вздрогнула.

Вот почему так? Почему она всегда, когда муж появляется неожиданно, вздрагивает, словно пугается. Почему напрягается, как если бы он застал ее врасплох? Словно она виновата перед ним.

— Никто, Борис, — весело ответила Наташа. — А мы и не слышали, как ты приехал.

— Значит, были увлечены разговором. Привет, Валера. — Борис пожал Реброву руку. — Как ты? Рад тебя видеть. Женечка?

— Привет, — тихо поздоровалась Женя, и Борис склонился, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Как Миша?

— Все в порядке, спит уже. Поужинаешь?

— Нет, я только что из-за стола. Представляешь, мы выиграли процесс... Да так неожиданно. И главное, заседание продлилось всего-то два

с половиной часа. Мы потом с клиентом отправились в ресторан и там это дело отметили. Так что я сыт.

— Вот и хорошо. — Женя вдруг почувствовала, как у нее задергалось веко.

И чего это она так нервничает? За столом же просто Ребров, а не Журавлев!

— Наташа, а что это ты так сияешь?! — неожиданно спросил Борис.

Женя так удивилась, что не сразу нашлась что и сказать, как прокомментировать его вопрос. Никогда прежде он не позволял себе ничего подобного.

— Борис, тебя увидела, вот настроение сразу и поднялось, — ответила на его скрытую колкость Наташа.

И с каких это пор они стали задирать друг друга? Надо будет поговорить с Наташей. Что между ними такого произошло, что Борис даже в присутствии жены цепляется к своей снохе?

Даже Валера отреагировал, с нескрываемым удивлением взглянув на обоих. Разве что промолчал из вежливости.

— У нас новое дело? — И снова издевка.

Борис, конечно, выпил. Стало быть, приехал на такси и вышел перед воротами, поэтому-то никто и не слышал звука мотора его машины. Неужели это алкоголь на него так подействовал?

— Да, новое дело, — вздохнула, закатив глаза, Наташа.

— Да так, ничего особенного... Просто заехал, хотел вас всех увидеть, — покраснел Ребров.

— Валера, ты больше не стриги свои шикарные волосы, — сказала Наташа. — Они тебе так идут! А когда подстригаешься коротко, прямо как мальчишка становишься.

— Так что за дело, в которое ты снова хочешь вовлечь мою жену? — спросил Борис, захватывая большим и указательным пальцами остывший кусок мяса с блюда. Отправил в рот, забыв, вероятно, что только что признался в том, что он сыт.

«Точно, перебрал», — подумала Женя, глядя на то, что вытворяет муж.

— Борис, у меня все дела интересные. Убивают, — развел руками Ребров и вдруг резко поднялся из-за стола и спустился с террасы.

Мгновение, и он, освещенный светом фонарей, уже удалялся по садовой дорожке в сторону ворот. Женя с Наташей побежали за ним.

— Валера, подожди! Куда ты?! — бежала, чуть не плача, за ним Женя. — Не обращай на него внимания, он просто пьяный! Разве ты не видишь?

— Валера, стой! Мы-то здесь при чем? Остановись! — крикнула Наташа и, догнав Реброва, ухватила его за рукав рубашки. — Никуда ты не поедешь. Ты приехал к нам в гости, и мы тебя не отпустим.

— Девчонки... Если честно, то я в последнее время в присутствии Бориса чувствую себя как-то не так... Неправильно все это. Думаю, он

в чем-то прав, когда пытается оградить тебя, Женя, от моих дел. Я все понимаю, тебе нравится это, к тому же у тебя здорово все это получается, но я всегда, когда обращаюсь к вам, чувствую себя виноватым в том, что...

— Какие глупости! Я что, маленькая девочка и не знаю, что мне можно, а что нельзя? — возмутилась Женя.

На фоне освещенной террасы возникла фигура Бориса.

— Валера, ты чего? Что случилось? — прогремел он, подходя к Реброву и пытаясь его обнять.

Жене стало так стыдно за него, что она даже зажмурилась, чтобы не видеть мужа. И в который уже раз мысленно развелась с ним. И тотчас поймала взгляд Наташи, вспомнила ее совет, когда она уже пыталась это сделать.

«Зачем тебе развод? Живи так, как тебе хочется. Борис никогда не разведется с тобой, и в этом твоя сила».

Вот примерно такая формула жизни предлагалась Жене ее подругой. И ведь она была права.

— Ничего не случилось, и Валера никуда не едет... Сейчас мы вернемся за стол и чего-нибудь выпьем! — предложила Наташа.

— Ребята, тогда вы выпейте, а я пойду спать. Что-то я устал сегодня. Очень.

И Борис, словно забыв о том, что только что разговаривал с Ребровым и так ни до чего и не договорился, развернулся и пошел в дом.

— Я же говорю, он пьян! Пойдемте...

Наташа принесла из дома виски, разлила по бокалам.

— Вот я бы точно не смогла быть адвокатом, — сказала она, сделав несколько больших глотков. — Ладно еще когда надо защищать хорошего человека. А если настоящего убийцу? Преступника?

— Я бы тоже не смогла... — сказала Женя, продолжая думать о разводе. — Да, я понимаю, что каждый человек имеет право на защиту. И не всякий человек, которого поймали даже с уликами и без алиби, преступник, и я готова лично спрятать такого человека и помочь избежать наказания, но только не защищать настоящего преступника в суде, пытаюсь найти ему какое-то оправдание. Это уже за гранью...

— А вот Борис делает это время от времени. Конечно, за большие деньги и так мастерски строит защиту, что какого-нибудь сынка богатых родителей, ну просто полного отморозка, выпускают прямо из зала суда.

— А какой процент того, что он не совершал этого преступления?

— Самый маленький. Он сам мне рассказывал.

— И кого же он отпустил таким образом?

— Одного парня, который сбил на пешеходном переходе детей...

— Говорю же, адвокат — профессия сложная и тяжелая. Психика может не выдержать, — ска-

зала Наташа. — Возможно, как раз сегодня у Бориса и было такое заседание, такое дело, и он крепко выпил.

— В его дела лучше вообще не лезть, — сказал Ребров.

— Но если ты так хорошо понимаешь его и уважаешь, чего вспылит-то? — не унималась Наташа.

— Может, потому, — сказала Женя, — что и у тебя тоже работа не сахар. И тебе приходится сталкиваться с самым настоящим злом. Все эти убийства, трупы, смерть... Вот за что могли убить четверых мужчин? При чем молодых? Какое такое зло они могли совершить над этой женщиной?..

— Женька, да ты сама только что и озвучила это самое зло... Насилие. Чего еще? Ну не деньги же они у нее украли?

— Женька, Наташа, вы так рассуждаете, словно точно знаете, что убийца — женщина!

— Мы, конечно, не знаем, но предположить-то можно. Женя, ты чего это раскисла? Из-за Бориса? Не расстраивайся. Ну такая работа у человека. Ну выпил. Успокойся. Давай лучше еще раз выпьем и порассуждаем, кто и за что мог убить этих мужчин.

На террасе показался Петр. В домашнем халате. Увидев распивающую виски троицу, улыбнулся.

Женя подумала, глядя на него: какой же он светлый и спокойный человек! Ничего плохого вокруг не замечает. Обожает свою жену и проща-

ет ей буквально все! Даже то, что она практически не занимается ребенком, что все свободное время либо ищет себя, либо помогает Женьке и Реброву в расследовании, а иногда под настроение навещает своего Льдова, свою странную и затянувшуюся любовь... А ведь и у него уже семья...

— Петр? — Ребров кивнул на бутылку виски.

Петр кивнул, соглашаясь.

Наташа быстро принесла еще один бокал.

— Ну, рассказывайте, что там у вас. — И Петр чокнулся со всеми своим бокалом.

3. Ноябрь 2022 г.

Вот теперь я знаю, что испытывают те, кто решил уйти из жизни добровольно. Суицидники. Какое мерзкое, холодное и колючее слово. Уйти, чтобы не страдать. Уйти, потому что не чувствуешь в себе силы бороться с обрушившимися на тебя несчастьями, испытаниями, болью. Когда нестерпимо жить. Когда даже физическая боль не так страшна и невыносима, как боль душевная. Когда не видишь впереди совсем ничего. Просто одну черноту.

Если бы меня спросили, как так случилось, что я в конце своего пути оказалась в том метро, где меня заметил Олег, я бы сказала уверенно: мое воспитание.

Меня воспитывала бабушка. Светлый человек. Душевная и очень добрая женщина, которая в каждом видеела только добро, положительные черты.

И меня к этому приучила. Вот почему я получилась такой доверчивой душой. Будь у меня другое окружение, родители, к примеру, которые открыли бы мне глаза на мир, объяснили, что, помимо близких и родных людей, друзей, существует еще и настоящее зло, научили бы меня различать его, глядишь, и я выросла бы более подготовленной к реальной жизни. Знала бы о существовании жестокости. Нет, конечно, я нормальный человек и знала, вернее, слышала о том, что мир жесток, но мне почему-то казалось, что зло обойдет меня стороной. Что вся грязь и боль где-то там, далеко от меня или вообще в кино. Я была обласкана своей бабушкой, мне с ней так хорошо и спокойно жилось, и я почему-то была уверена в том, что, когда вырасту, мне на моем жизненном пути будут попадаться только хорошие люди.

Она ушла, когда мне оставалась неделя до поступления в медицинское училище. Но после похорон я даже из дома не могла выходить. У меня внутри словно все замерзло. Я не понимала, как теперь жить дальше. Ведь я осталась совсем одна.

В квартире стало так тихо. И так страшно. Меня навещали подруги, звали куда-то с собой, то на день рождения, то просто на вечеринку или в кафе выпить кофе или пиво, но я не могла, не хотела. Моя жизнь замерла и словно потеряла всякий смысл. А еще мне постоянно чудился голос бабушки. Иногда я словно слышала ее тихие неторопливые шаги в квартире, и казалось, что вот сейчас она заглянет в мою комнату и позовет меня завтракать, ска-

жет, что напекла блинчиков... Она была чудесной женщиной, и мне ее страшно не хватает. И кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы она была жива. Уж точно не так, как сейчас...

...На мое голое тело был наброшен длинный черный мужской плащ. Я сидела в самом углу вагона, вжавшись в сиденье, и не знала, куда еду и что будет с мной дальше.

Меня насильовали три дня. А потом выбросили из машины неподалеку от станции метро, прямо на дорогу, в грязь. Ноябрь, холод, дождь, и я лежу на обочине, разглядывая сквозь слезы красную, дрожащую и расплывающуюся, но такую спасительную букву «М». Метро. Мне тогда даже это слово показалось родным. Там тепло, там люди, пусть их и не много в этот поздний час.

Я даже не помню, как поднималась с асфальта, как спускалась в метро, как прошла через турникет. Денег у меня не было. Кто-то сердобольный, увидев, вероятно, в каком я состоянии, помог пройти в это спасительное царство теплого воздуха и безопасности. Возможно, заметь меня полицейские, меня сразу же отвезли бы в отделение или больницу. Но они мне не попались.

Я вошла в электричку, забила в самый угол и закрыла глаза. Куда я мчусь? Дома у меня уже не было. Вообще ничего не было. А теперь еще и здоровья тоже. Садисты. Они зачем-то таскали меня за волосы... Мои прекрасные волосы. Как их теперь восстановить? Да и надо ли? Даже если отрастить их